

влияние римской поэзии. Например, Минуций говорит о животных, что они *prona in terramque vergentia nihil nata sunt prospicere, nisi pabulum*, а о людях, что у них *vultus erectus, suspectus in caelum datus est*. Все это — реминисценция стихов из „Метаморфоз“ Овидия:

*Pronaque cum spectant animalia caetera terram,
Os homini sublime dedit, caelumque tueri
Jussit, et erectos ad sidera tollere vultus*

Chaos et creatio rerum, 84—86.

Между тем как понурясь все смотрят животные в землю,
Дал человеку он лик возвышенный, дал ему небо
Лицезреть и с поднятым челом к звездам обращаться.

Перевод Фета.

Подобных реминисценций в „Октавии“ из римской литературы комментаторами отмечено несколько. Все же сочинение Минуция создано под сильным влиянием диалога Цицерона *De natura deorum*. Так, чувство удивления перед разумным устройством мироздания всецело восходит к рассуждениям Цицерона, который в таких случаях не один раз говорит: „*Quod eo est admirabilius*“, „*admirandum est*“, „*quis potest non mirari*“, и проч. Некоторые мысли Минуция представляют повторение рассуждений Цицерона. Последний так же говорит и почти теми же словами, которые находим в „Октавии“, о разумном управлении миром; о том, что „все в этом мире ко всеобщему благу и сохранению удивительно управляется божественным умом и промыслом;“ о том, что „чередование дня и ночи сохраняет животных, распределяя время между трудом и отдыхом“, и так же описывает разнообразие животных: „Какое разнообразие животных! Одни из них покрыты шкурами, другие одеты космами шерсти; у иных иглы, у других перья, у третьих видим чешую; одни вооружены рогами, другие спасаются посредством крыльев“.

В „Октавии“ делаются ссылки на Фалеса, Анаксимена, Ксенофана, Зенона, Сократа, Платона, Аристотеля, Пифагора, Сенеку, Влоргилия и других философов и писателей греко-римского мира. „Октавий“ даже не столько чисто христианско-апологетическое произведение, сколько философское. Гастон Буасье отмечает, что „не только Христос отсутствует в труде Минуция, но там не говорится ни о Библии, ни об Евангелии, ни об апостолах. Из числа догматов церкви говорится только о тех, которые подходят к философские взгляды“.¹

Конечно, у человека более простого и менее философски развитого, чем Минуций, его мысли и способ изложения должны были принять более конкретный характер, лишиться отвлеченности и сократиться до основных реальных представлений, причем особенно могла произвести впечатление на неискушенный ум мысль, поддерживаемая ежедневными наблюдениями, об общем сходстве и различии человеческих лиц, мысль не философская, а опытно-бытовая, пришедшаяся по плечу людям Средневековья.

Что Владимир Мономах стоит в какой-то связи с Минуцием, доказывается почти текстуальной последовательностью основных представлений, составляющих содержание рассматриваемых текстов. У Минуция „последовательность мыслей“ такова: „общие мысли о чудесности мироздания, мысли о небе, солнце, луне, чередовании тьмы и света, звездах, водах, зверях, птицах и, наконец, о различии человеческих лиц. У Владимира Мономаха точно та же последовательность представлений,

¹ G. Boissier. *La fin du paganisme*. Paris, 1891, p. 327.